

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Хавьера Эрнандес
Тирания слабости
1996

Сохранено 9 сентября 2011г. из a-read.narod.ru

Перевод А. Бренера и Б. Шурц

Опубликовано в сборнике «На ножах со всем
существующим», Умопомрачительный самиздат, Рига,
2006

ru.theanarchistlibrary.org

Тирания слабости

Хавьера Эрнандес

1996

Сегодня мы сталкиваемся со слабостью повсюду. Мы слабы, или ведём себя так, словно мы слабы - из страха показаться чем-то иным.

Уже немодно быть уверенным в себе или понимать себя, как, впрочем, и других — или что-либо вообще. Это кажется устаревшим, а то и попросту дурным вкусом. Мы больше не стараемся делать вещи хорошо — я имею в виду те вещи, которые мы сами выбрали для себя и которые, как нам кажется, мы должны сделать. Вопреки всякой логике, мы делаем их плохо, кое-как, не обращая внимания на детали. И мы не то чтобы похваляемся своей слабостью, но пользуемся ею как неким экраном, за которым можно спрятаться.

Так мы стали рабами этого нового, быстро распространяющегося мифа о слабости. И мы вовсе не хотим говорить здесь о «силе», которая никогда не была ничем иным, кроме замаскированной слабости. Скорее, мы хотим осветить нынешнюю ситуацию. Преобладающий момент в ней — стирание ценностей, а также притупление тех инструментов, которые необходимы нам, чтобы жить и атаковать

наших врагов. Главная модель сегодня — модель сдачи, отказа от борьбы, модель торможения. И это, разумеется, полностью в интересах власти. Мы перестали думать, мы мыслим неадекватно, мы подчиняемся потокам противоборствующих информационных каналов. Мы не действуем.

Наша персональность — нечто между идиотом и коллекционером марок. Мы понимаем мало, зато знаем много: множество бесполезных, разрозненных вещей. Мы — карманные энциклопедии анекдотических знаний. Почему-то мы решили, что у нас есть право быть невежественными, глупыми, немощными.

Мы вручили эффективность в руки врага, утверждая, что модель эффективности принадлежит логике власти. Что ж, когда-то это было верно. Речь шла о разрушении экономики, и абсентизм, отказ от работы, дезертирство были правильными решениями. Но случилось так, что классовый враг выиграл ответную игру. И мы капитулировали, хотя речь шла о вещах, которые мы сами для себя выбрали.

Итак, мы посвящаем себя ловле бабочек и восточной философии, альтернативной кухне и модусам мышления — всему, чему недостаёт ясности и ярости. Вместо того, чтобы дожидаться, когда выпадут наши зубы, мы сами вырываем их один за другим. Так что мы теперь счастливы и беззубы.

Лаборатории власти планируют очередную модель капитуляции для нас. И только для нас, разумеется. Для царствующего меньшинства, для «включённых» актуальная модель по-прежнему одна: агрессивность и наступление. А мы больше не являемся жестокими неуправляемыми варварами, способными на стихийные бунты и организованные восстания. Мы превратились в философов нирваны, в скептиков, сомневающих в правомочности действия, в денди и отстранённых созерцателей. Мы даже не заме-

тили, как власть сдавила наши языки и черепа. Мы почти не в состоянии писать, а ведь это необходимо, чтобы быть понятыми и понимать других. Мы почти не в состоянии говорить. Мы вещаем на нищем жаргоне, навязанном телевидением, спортом, смрадным журнализмом. Мы болтаем на блатном языке, который якобы способствует коммуникации, а на самом деле кастрирует её.

Но что ещё хуже: мы уже не в состоянии совершить усилие. Мы не способны на свершение. Что-то наладить, кое-как почитать, наконец передохнуть... Встреча здесь, дискуссия там, беседа о том, о сём... И вот мы уже истощены, обессилены, распростёрты... С другой стороны, мы можем часами слушать музыку, иногда без всякого понимания, песни на языках, нам неизвестных, шум, имитирующий разрушение или строительство... И даже когда мы забываемся в созерцании природы (как мало от неё осталось!), мы не сами делаем вылазку — её делают за нас. Все экологические пошлости, продаваемые капиталом в качестве «альтернатив», мы принимаем на веру. Мы лишаем себя опыта реальных отношений с природой, требующего силы и напряжения, настойчивости и борьбы, а вовсе не одного созерцания.

И не напоминайте мне об агрессивности капиталистов, от которых мы должны отличаться своей терпимостью. Я прекрасно знаю, что означает агрессивность капитала! Я говорю не об этом. В сущности, я вообще не говорю об агрессивности. Слова обманчивы, как известно. Что я действительно хочу сказать, так это то, что необходимо мыслить и действовать, а не убивать время впустую, пока лодка пожирается огнём.

Либо мы понимаем, что капитал захватывает всё вокруг, либо нет. Капитал и власть трансформируются, и эта трансформация перевернёт наши жизни вверх дном. Если мы не понимаем этого, что ж — нам остаётся ловить бабочек

в наших грёзах, изучать дзэн-буддизм, гомеопатию, эскапистскую литературу, спорт или что там ещё, — вплоть до уютного отчуждения от самих себя, а заодно от грамматики и языка.

Но если мы понимаем перемены, происходящие в мире, если мы осознаём, как развивается проект капитала, как он намерен окончательно превратить нас в рабов, если мы постигаем культуру рабства, которая лишает нас самой возможности видеть и ненавидеть наши цепи, — тогда мы не можем уже мириться с пустой терпимостью и отказом от борьбы. И не нужно думать, что эти слова касаются только тех, кто позабыл о всяком бунте и мирно пасётся среди зелёных, оранжевых и прочих стад. Мы говорим здесь и о тех товарищах, которые полагают, что они всё ещё революционеры, а на самом деле переживают драму прогрессирующего умственного загрязнения — день за днём. Это, впрочем, не простой призыв к действию. Кладбища завалены такими призывами. Нет, мы говорим здесь о проекте, тщательно разработанном в лабораториях капитала и ныне пущенном в ход. Этот проект нацелен на постепенное и безболезненное уничтожение нашей способности к борьбе. Развёртывание этого проекта идёт рука об руку с глубоким переструктурированием капитала. Мы не призываем здесь к волюнтаризму и не заламываем в отчаянии руки. Мы полагаем, что эти строки — скромный вклад в понимание серьёзных перемен, которые происходят вокруг нас.